

И

рина сидела в своей комнате за уроками. Вот же несправедливость, задали опять столько, что и до ночи не успеть! Дверь приоткрылась, в комнату осторожно заглянул отец.

— Ириш, у меня предложение, — сказал он. — Давай в кино ходим.

— Пап, ты что! — Ира устало потерла виски. — У меня еще сочинение на свободную тему, контурные по географии, клетку по биологии рисовать... До ночи сидеть. А ты — кино!

— Ириш, да ничего с твоими пятерками не случится, ты ж у меня умница! А в нашем Доме культуры новая картина. Называется «Отец солдата». Пойдем!

Ирина посмотрела на отца. Конечно, новое кино — это лучше, чем корпеть над задачками. Она махнула рукой — а, была не была! — и стала искать в шкафу любимую кофточку. Все же поход в кино — это праздник!

Фильм они смотрели в полной тишине. Отец не проронил ни слова. Молчала и Ирина, ошеломленная происходящим на экране. Вышли из темного зала, яркий свет заставил зажмуриться.

— Пап, ты чего? — Ира приоткрыла глаза и увидела отца, стоявшего возле кассы. — Домой пошли, может, еще успею уроки доделать.

— Ир... На этот фильм нужно еще раз сходить. Прямо сейчас. — Отец решительно протянул в окошко кассы деньги. — Два билета, пожалуйста.

Так они оказались в зале во второй раз. И снова весь фильм просидели в напряженном молчании. Когда вышли из зала, отец, уже ни слова не говоря, снова зашагал к кассе, взял Иру за руку и вернулся в зал. Так они посмотрели фильм «Отец солдата» три раза подряд.

«Самая волнующая сцена была внутри Рейхстага. Когда отец стоял внизу, а сын был наверху. Когда мы вышли, папа сказал: ты знаешь, два раза мало, надо третий. Мне это очень запомнилось, в один день просмотреть три раза один и тот же фильм», — вспоминала Ирина Алексеевна много лет спустя.

Ее отец, Алексей Прокофьевич Берест, тогда не знал, что скоро он и сам станет героем фильма. В пятой серии эпопеи «Освобождение» его сыграет актер Эдуард Изотов. По мнению близких, очень похожий на своего героя. Но Алексей Прокофьевич не увидит этот фильм. Может, это и хорошо. Он вообще очень трудно смотрел фильмы про войну. Тяжело переживал, когда видел фальшь на экране. Потому что помнил все, до последнего мига, до последней секунды...

Алексей Берест

Ранним утром 2 мая 1945 года на Берлин обрушилась тишина. Она была настолько непривычной, что солдаты глохли от нее больше, чем от артиллерийской канонады. В пылу непрерывного боя, когда они были заняты смертельной солдатской работой, бойцы не знали, да и кто это мог знать заранее, что непредсказуемая фронтовая судьба именно им предоставила великое счастье завершить одну из жесточайших в истории человечества войн. Им в то утро было не до этого. Двухнедельные бои почти без сна свалили солдат с ног там, где застала Победа.

Война жестока и безжалостна. И далеко не ко всем ее участникам судьба была справедливой. В том числе, и к человеку, который был лично причастен к последним боям в Берлине и которому так мало было воздано за все, что он сделал для Победы.

Это рассказ об удивительной жизни и судьбе участника штурма рейхстага Алексея Прокофьевича Береста. Сведений о нем сохранилось немного. Осталось всего несколь-

ко десятков любительских фотографий. Совсем нет фронтовых писем, а после войны он их почти не писал.

Вся недолгая жизнь Береста заполнена такими трагическими изломами, которые погубили бы менее сильного человека. Но не может бесследно раствориться во времени такая судьба. Просто необходимо по крупицам восстановить его жизнь и насколько возможно рассказать правду. Правду о тех днях войны, когда лейтенант Берест навсегда вошел в историю Великой Отечественной. Правду о днях жизни, трагических и счастливых, унижавших его и возвеличивавших.

В Центральном музее Вооруженных сил в Москве в Знаменном зале выставлена главная реликвия Великой Отечественной войны — Знамя Победы. Здесь на стенах — знамена всех фронтов и армий, участвовавших в штурме Берлина. Под ними лежат штандарты поверженной Германии, те самые, которые на параде Победы свыряли к подножию Мавзолея. А центральное место в этой экспозиции занимает скромное красное знамя № 5, одно из девяти, скроенных из подручных материалов в Берлине и розданных в дивизии, наступавшие на рейхстаг. Именно оно было поднято над рейхстагом и стало символом нашей Победы.

Разная судьба досталась участникам водружения Знамени Победы. Одни стали национальными героями, другие легли в безымянные могилы, а третьих лишили заслуженной славы. Среди этих людей, отмеченных и забытых, Алексей Прокофьевич Берест безоговорочно признавался всегда одним из главных героев штурма рейхстага.

Родился он 9 марта 1921 года в селе Горяйстовка Ахтырского района Сумской области Украины в крестьянской семье. В одиннадцать лет остался круглым сиротой. Опеку над детьми взяли старшие сестры. В школе учился хорошо — выручала отличная память, но не окончил даже семь классов: весной и осенью пропускал занятия, чтобы помогать сестрам на огороде. Ежегодно во время летних каникул работал со взрослыми на уборке урожая. Когда при машинно-тракторной станции в Чупаховке, возле родного села, организовали курсы трактористов, шестнадцатилетний Алексей пошел туда учиться. Но трудился трактористом недолго.

В октябре 1939 года вступил добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях на Финской войне в составе 2-го полка связи Ленинградского округа. А уже в декабре группа бойцов, в которой находился и Алексей Берест, во главе с командиром роты устанавливала связь между командным пунктом и минометным подразделением. Разделившись на две группы, шли тихо, разматывали кабель и сразу укрывали его снегом. Вдруг Берест крикнул: «Ложись!» — и мгновенно упал на командира, прикрывая его. Пуля прошла шинель Береста, чуть не задела плеча. Друзья из другой группы точным выстрелом сняли с дерева вражеского снайпера, так называемую «кукушку». Так в личном деле Алексея первой после автобиографии появилась копия благодарности красногвардейцу Бересту за спасение жизни командира.

Утром 22 июня 1941 года его и еще нескольких связистов вызвали в штаб. Там велели собрать свои вещи и повезли куда-то на грузовике. На новом месте, куда приехали уже вечером, узнали: на страну напали немецко-фашистские захватчики, а их, лучших телефонистов, отобрали для обеспечения связи с зенитными батареями, которые формировались для отпора вражеских авиационных налетов на Ленинград. В тот день зенитчики вступили в тяжелые бои. Через год Берест был назначен командиром отделения.

В начале войны Алексей Берест был принят в комсомол, а в марте 1943 года на Волховском фронте — в партию. Сразу избрали партгором роты. Командиры заметили организаторские способности Береста и рекомендовали на учебу в Ленинградское военно-политическое училище, которое в то время находилось в Шуе. Правда, у него не было среднего образования, но по всем другим требованиям подходил: участвовал в Финской войне, был отличным бойцом на фронте, имел опыт партийной работы. Так что зачислили его сразу на второй курс. Занятия шли ускоренными темпами, с утра до вечера каждый день. С декабря 1943-го по сентябрь 1944 года курсанты овладели всей программой.

После выпуска лейтенанта Береста направили на 1-й Белорусский фронт, где он попал в 756-й стрелковый полк 150-й стрелковой дивизии. Назначен был заместителем по политчасти командира батальона, которым командовал капитан С. Неустров. Берест с товарищами освобождали Польшу, прорывали оборону фашистов на Одере, прошли с боями по улицам Берлина.

В немецкой столице каждый дом был опорным пунктом, но для наших войск важнейшим объектом был рейхстаг. Для каждой из девяти дивизий 3-й ударной армии, ведущих бои в центральной части Берлина, изготовили флаги. Какое соединение первым захватит рейхстаг, то и завоюет столь высокую честь — поднять его над логовом врага. На каждом из флагов была изображена пятиконечная звезда, чуть пониже — серп и молот, а справа, внизу полотнища у древка, номер. Флаг № 5 достался 150-й стрелковой дивизии и был передан в первый батальон, где служил замполитом лейтенант Алексей Берест.

После форсирования Шпрее батальон капитана Неустроева захватил помещение немецкого министерства внутренних дел и гестапо, которое бойцы называли «домом Гимmlера». Берест решил составить список обнаруженных там ценностей: ковров, картин, изваяний, чтобы потом передать все в музей. В одном из сейфов была найдена коробка со швейцарскими часами, приготовленными для тех генералов рейха, подчиненные которых возьмут Кремль в Москве. Берест решил вручить их своим солдатам, взявшим «дом Гимmlера». Когда стал вручать, протянул руку и незнакомый офицер, как позже выяснилось, оказавшийся «смершевцем». Замполит с присущей ему открытой простотой сказал:

— Я что-то вас в боях здесь не приметил. С такими длинными руками — в церковь. Там, может, и дадут.

Тот под хохот бойцов недовольно ушел.

Утром из подвала захваченного помещения бойцы увидели огромный серый дом с колоннами. Не сразу сориентировались, что это и есть тот самый рейхстаг. Между ним и «домом Гимmlера» — большая Королевская площадь, разделенная пополам глубокой канавой с водой. Повсюду траншеи, окопы, в соседнем парке Тиргартен зенитки, пушки и танки. Помещение рейхстага гитлеровцы подготовили к круговой обороне. Окна и двери замуровали кирпичом, зияли только амбразуры и бойницы.

Как только рассвело, началась артподготовка. Загремели пушки, «катюши», крупнокалиберные снаряды выбивали из стен здания целые куски, но дом стоял. Батальон Неустроева первым устремился на штурм. Немцы ответили огнем. Пришлось залечь. Вместе с батальоном Неустроева в рейхстаг ворвались бойцы батальона капитана Давыдова. Трескались и оседали от снарядов зеркала, громко падали хрустальные люстры, раскалывались мраморные скульптуры, все гремело от взрывающихся гранат. Завязался жестокий бой за каждый метр, каждую комнату, каждый этаж. В окнах, на колоннах, дверях, в залах появлялось все больше и больше красных флагов.

К вечеру в рейхстаг приехал командир дивизии Ф.М. Зинченко. Он приказал комбату немедленно организовать водружение флага на рейхстаг: «Любой ценой!» Тот дал поручение своему замполиту Бересту. Алексей взял с десятков автоматчиков, сержанта Егорова и младшего сержанта Кантария с флагом и по лестнице стали подниматься вверх. На втором этаже затрещали автоматы, разорвалось несколько гранат, но немецкую группу быстро ликвидировали. Артиллерийскими снарядами лестница в некоторых местах была разбита. Приходилось становиться друг другу на плечи, чтобы подняться выше. На крышу вылезли все трое, крепко закрепили флаг, который сразу затрепетал на весеннем ветру.

Почти через 20 лет после Победы Алексей Берест напишет письмо в газету «Комсомольская правда». Оно не было опубликовано, в 60-е годы для него еще не пришло время. И только через десятилетия мы услышим свидетельство, достоверность которого ни у кого не вызывает сомнения.

«Передо мной командованием была поставлена задача возглавить и обеспечить водружение знамени Победы над рейхстагом. Открытый огонь нашей артиллерии дал нам вместе со Съяновым возможность под ее прикрытием броском с ротой приблизиться к залегшему наступающему батальону. После сигнала о прекращении огня в стремительном броске всеми силами мы ворвались в открывшийся проход центрального входа в здание, двери которого были подорваны гранатой. В это время при моем участии знаменосцами товарищами Кантария и Егоровым было закреплено армейское знамя номер 5 на одной из колонн центрального входа в рейхстаг. В 14 часов 30 минут дня 30 апреля».

Утром немцы снова устремились в контратаку, стреляли фаустпатронами. Но выбить наших бойцов им не удалось. Тогда нацисты зажгли мебель в одном из залов. Дымили ковры и кресла, деревянные панели стен и полы. Пламя быстро охватило часть помещения. Но бойцы его не оставили, загнали немцев в подвал. К концу дня те выбросили белый флаг и запросили переговоры. При этом выставили условие: поскольку у них в подвале генерал и полковники, делегацию на переговорах должен возглавить офицер не ниже полковника. Ф. Зинченко к тому времени уже отъехал на командный пункт, в помещении по званию выше капитана никого не было.

На переговоры пришлось идти Бересту. Он смыл с лица сажу и пыль, наскоро подшил белый подворотник к гимнастерке, надел чью-то кожаную куртку, чтобы прикрыть лейтенантские погоны. Капитан Матвеев отдал ему свою новую фуражку с красной окантовкой. За адъютанта с Берестом пошел командир батальона капитан С. Неустроев, сняв прожженную местами фуфайку, чтобы были видны

боевые ордена. Переговоры продолжались более двух часов. Немецкий представитель несколько раз ходил с кем-то совещаться. Немцы тянули время. Наконец согласились на капитуляцию. Утром 2 мая 1945 года они выбросили белый флаг и капитулировали. Из подвала потянулись группы солдат и офицеров. Они шли медленно, полтора часа, бледные, с унылыми лицами, подняв руки вверх. Их было более 1650 человек, внизу осталось около 500 раненых.

Падение Берлина подтверждалось Знаменем Победы. Оно было прострелено в нескольких местах, древко расколото пулей — это немцы пытались его срезать огнем. Но не удалось. Михаил Егоров и Мелетон Кантария снова, уже карабкаясь по металлическим ребрам купола, в которых остались резавшие им руки осколки стекла, перенесли флаг на вершину рейхстага и установили его там. Рейхстаг в этот день стал местом паломничества. Всем хотелось посмотреть на здание, ставшее символом нацистской идеологии, расписаться на его стенах. Красных флагов появилось по всему помещению еще больше. Приехали корреспонденты и фоторепортеры. Флаг Победы устанавливался поздно вечером, а все фотографии знаменитых военных фотокорреспондентов Е. Халдея, И. Шагина, Б. Шейнина, А. Морозова, В. Темина, заполнившие газетные полосы, были сделаны уже на следующий день.

Алексей Берест тем временем выполнял новую задачу командования: сопровождал эшелон с освобожденными из немецких концлагерей советскими воинами и гражданами СССР, вывезенными фашистами на работы. На Белорусский вокзал в Москве эшелон прибыл на запасный путь поздно вечером. Получив несколько дней отпуска, Алексей сразу отправился в свою Горяйстовку. Уже почти около Харькова заболел тифом. Пассажиры позвали проводника. На следующей станции Береста сняли с поезда и отправили в военный госпиталь в Ростове-на-Дону. Здесь он встретил симпатичную медсестру Людю Евсееву, женился и вместе с ней вернулся в Германию.

Дослуживал Берест на Черноморском флоте. Офицеры в черных пилотках не очень уважали представителей сухопутных войск, но Береста любили. На груди у него сиял орден Красного Знамени за штурм рейхстага и пленение гитлеровцев, а рядом — ордена Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, медали.

В начале мая 1946 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза офицерам и сержантам, поднявшим Знамя Победы над рейхстагом в Берлине — капитану В. Давыдову, сержанту М. Егорову, младшему сержанту М. Кантария, старшему лейтенанту К. Самсонову. Фамилии Береста там не было. Возможно, тот случай с офицером из «смерша» сыграл свою роль, а может, перепись ценностей в «доме Гиммлера», которые перекочевали не в музей, а на дачу одного из маршалов. А возможно, тот инцидент, когда в азарте наступления бойцы, не разобравшись, какое помещение штурмуют, гранатой сорвали дверь, устроили стрельбу, а оказалось, что это было посольство одного из нейтральных государств, которое сразу подало свою ноту. Береста обвинили в «плохой воспитательной работе в батальоне». Отстаивать его доброе имя было некому: Г. Жуков уже находился в опале, генерал-лейтенант К. Телегин тоже под следствием по делу Жукова. С. Неустроев лишь много лет спустя рассказал Бересту о своей встрече с бывшим членом Военсовета фронта К. Телегиным, который уверял, что во всем виноват Жуков. Мол, маршал, прочитав представление Береста к званию Героя, сказал: «Еще один политработник», — и собственноручно вычеркнул Береста из списка.

Из письма Алексея Береста в «Комсомольскую правду»:

«Примерно в 22 часа мной было приказано командиру отделения товарищу Щербине отобрать 10 человек из его отделения солдат с автоматами для прикры-

Ты переноса Знамени Победы от колонны на фронтон рейхстага. Товарищи Кантария и Егоров укрепили знамя от колонны, и при поддержке огнем мы стали подниматься по винтовой лестнице. Вследствие артиллерийских обстрелов оказалось, что лестница в отдельных местах была разрушена. Это препятствие нам удалось миновать путем образования живой лестницы. Становился я, на меня товарищ Кантария. А на нас товарищ Егоров. И в 22 часа 50 минут наше советское Знамя Победы заколыхалось на фронте рейхстага».

Алексей Прокофьевич писал в разные инстанции, почти все обращения оставались без ответов. Берест добивался не звания, он хотел, чтобы правда о водружении Знамени Победы возобладали. А пока ее знали только моряки, служившие рядом с ним. Демобилизованного Береста офицеры и матросы провожали на вокзал, жалели, что расстаются, ведь многие из них, взрослых людей, его называли «батей». Бересты поехали на родину Людмилы Федоровны, в пригород Ростова-на-Дону — село Покровское Неклиновского района.

Из письма Алексея Береста в «Комсомольскую правду»:

«Меня разбудил комроты Съянов и передал, что немцы выбросили белый флаг и на русском языке передали, что они согласны вести переговоры. Но с условием — на уровне не ниже полковника. При встрече мною немецкому полковнику было сказано, что день 1 мая наш советский праздник, Берлин полностью занят нашими войсками, сопротивление бесплодно. Предложил сложить оружие, гарантировал всем сдавшимся без сопротивления жизнь, раненым медицинскую помощь. Немецкий полковник заявил, что нас в рейхстаге только сотня человек и сдаться должны мы. Я в ультимативной форме обратил внимание, что данная беседа проходит не в Москве, а в сердце Германии в Берлине. Я не за тем пришел в Берлин, чтобы сдаваться. Когда мы уже выбрались в вестибюль, эсэсовский офицер, сопровождавший нас, выстрелил мне в спину, но промазал. Я рывком повернулся. Разрядил свой пистолет, и тотчас же вспыхнула стрельба».

Алексей Прокофьевич стал работать заведующим райотделом кинофикации. И здесь жизнь вновь подвергла его нелегкому испытанию. Такая, на первый взгляд, неконфликтная должность привела Алексея к драматическим событиям.

Кассиршу клуба дважды уличали в воровстве. Однако у нее был высокопоставленный друг — помощник местного прокурора. Из Ростова приехала комиссия, провела ревизию, обнаружила, что в зале во время сеансов людей больше, чем продано билетов.

С Берестом ревизор держался вызывающе. Заявил Бересту, мол, неизвестно, где тот был во время войны. Это была чистой воды провокация, негодяй прекрасно знал, кем был Берест. Кому-то этот конфликт был нужен, как и странное, так и недоказанное обвинение в недостатке. Алексей вспылил и выбросил ревизора вместе с креслом из окна второго этажа.

Непричастность Береста к недостатку подтвердили 17 свидетелей, при обыске в его доме следователь ничего не нашел — семья жила крайне бедно. В протоколе описи имущества карандашом следователя записано «нет ничего». Однако 14 апреля 1953 года районный суд приговорил Алексея Береста к 10 годам заключения. За «хищения». Отправили на лесоповал в пермские лагеря. По амнистии от 27 марта этого же года гигантский срок был сокращен вдвое. Он не стал просить о помиловании, отбыл в лагере два с половиной года.

По возвращении домой Берест устроился на работу в литейный цех завода «Ростсельмаш» — гиганта комбайностроения. Получил квартиру в доме, на строительстве которого много и тяжело вместе с рабочими предприятия работала вся его семья. Алексей Берест понимал, что как судимый лишился своего прошлого, но, обращаясь к высоким военным руководителям, просил, требовал установить

исторической справедливости. Однажды отправил письмо даже Хрущеву. Описал все, как было: как с боем поднимались на крышу, как укрепляли флаг, как ходил к немцам на переговоры.

Из письма Алексея Береста в «Комсомольскую правду»:

«Я стоял за статуей бывшего последнего императора с двумя пистолетами в руках. На меня напали немцы. Обоймы в пистолетах были пусты, я схватил металлическую руку Вильгельма Кайзера и наотмашь убил одного, но тут сзади еще один набросился на меня, схватил за горло. К борющимся подскочил наш боец с гранатой в руке. Размахнулся и, промазав, стукнул меня по спине. От удара граната выскользнула из рук бойца и волчком закрутелась у наших ног. Я мгновенно оторвал от себя цепкие руки врага, чуть приподнял и бросил его на гранату. Она взорвалась и разнесла его. И осколками ранило меня в ноги. Бойцы перенесли меня в комнату. Наскоро перевязали и ушли. Я зарядил пистолет и снова вступил в бой. Рано утром 2 мая враг выбросил белый флаг. Немецкий полковник первым сдал свой пистолет несмотря на то, что к этому времени я не был полковником. К 6 часам утра рейхстаг пал. После капитуляции я вышел на площадь, открыл брезент на павших братьях, отдал им последний долг и вновь укрыл их. Силы отказывали мне».

Все-таки в пятом томе шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» появились более-менее правдивые строчки: «В ночь на 1 мая по приказу командира 756-го полка полковника Ф.М. Зинченко были приняты меры по установлению на здании рейхстага знамени, врученного полку Военным Советом 3-й ударной армии, выполнение этой задачи было возложено на группу бойцов, возглавленную лейтенантом А. Берестом. Рано утром 1 мая на скульптурной группе, которая венчала фронтон здания, уже развевался флаг Победы: его установили разведчики — сержанты М. Егоров и М. Кантария».

К сожалению, все обращения Алексея Береста в высшие инстанции, просьбы о восстановлении исторической справедливости остались без ответа... Возможно, именно сейчас пришло время, чтобы окончательно исправить эту чудовищную ошибку. Несколько лет назад на сайте ратного объединения «Стягъ» появилось обращение Николая Шевкунова (ветерана РВСН, подполковника, члена ВООПИ-иК) «Имя лейтенанта Береста Алексея Прокопьевича должна знать вся Россия и весь мир!» Николай Федорович написал: «Отдавая дань памяти А. Бересту — украинцу, М. Егорову — русскому, М. Кантария — грузину, а в их лице миллионам и миллионам воинов Великой Отечественной войны без различия национальности и вероисповедания, мы выполняем свой священный сыновний долг перед этой светлой памятью. Только пусть этот долг выглядит достойно, соответствуя величию России».

...Это случилось 3 ноября 1970 года. В тот день Алексей Прокофьевич после работы забрал пятилетнего внука из детского сада и направился домой. О том, что произошло дальше, сохранилась стенографическая запись свидетельницы. «Вот на этом сельмашевском разъезде шел поезд пассажирский. Впереди женщина с ребенком, мужчина с ребенком. И вдруг я услышала крик. Ребенок женщины оказался на рельсах, на него шел поезд. Мужчина рванулся вперед, он оттолкнул своего ребенка, с которым шел, а выхватил из-под поезда другого ребенка. Отбросил его оттуда, а сам не успел уйти. Удар был такой сильный! Стоял мальчик, плакал, кричал: “Дедушка!..” Позже я узнала: это был Берест».

Уже столько раз, казалось, смерть настигала его. Родные надеялись: может быть, обойдется и на этот раз? Тянулись долгие часы ожидания. Надежды оставалось все меньше, и в четыре часа утра, не приходя в сознание, Алексей Берест умер в больнице. Он спас маленькую девочку, а сам погиб. Ему было 49 лет.

Многие люди и организации неоднократно обращались в высокие инстанции по поводу присвоения ему звания героя! Но этого так и не случилось. Ни при жизни, ни после смерти Береста. И все же он прожил удивительную жизнь. Ему выпало величайшее счастье дожить до Победы и вместе с ней войти в историю. Его любили фронтовые друзья, до последних дней как личную обиду переживавшие несправедливость по отношению к нему. Алексея Прокофьевича очень любили дети. А они редко ошибаются в своем выборе.

В начале апреля 2022 года военным госпиталем Ростова-на-Дону состоялась церемония вручения солдатам 150-й мотострелковой дивизии Южного военного округа мемориальных медалей к 100-летию Алексея Береста.

Памятный знак разработали член Союза художников России, подполковник в отставке Николай Шевкунов и скульптор Константин Чернявский.

— Идея заключается в том, чтобы военнослужащие из 150-й дивизии, в которой служил Алексей Берест, почувствовали преемственность поколений, а также с гордостью хранили и продолжали славные традиции российского воинства, — рассказал Николай Шевкунов.

Он прожил жизнь честно, достойно и мужественно. Если есть глубокий смысл в словах «не ради славы и наград», то это про него, Алексея Береста.

Но есть и главная награда — это память людская. В музее завода «Ростсельмаш», где Алексей Берест работал бригадиром сталелитейного цеха, хранятся собранные о нем материалы. На территории завода ему установлен бюст. На заводской проходной и на стене дома, где он жил в последние годы, установлены мемориальные доски. В городе Ростове-на-Дону его именем названа улица в Первомайском районе, а также общеобразовательная школа № 7. Один из 16 барельефов комплекса «Город военной славы» в Ростове-на-Дону посвящен Алексею Бересту. 25 августа 2005 года в городе Ахтырка Сумской области ему установлен памятник. В июне 2009 года одна из улиц города Сумы получила имя Алексея Береста; 2 сентября 2009 года на одном из домов этой улицы ему открыта мемориальная доска.

Награждён орденами Красной Звезды (19.03.1945), Отечественной войны I степени (19.05.1945), Красного Знамени (22.08.1946), медалями.

6 мая 2005 года Алексею Прокофьевичу Бересту было присвоено звание Героя Украины (посмертно). Но мне почему-то кажется, что, будь живым, легендарный знаменосец отказался бы принимать эту награду из рук украинского президента В. Ющенко, который таким же званием потом героизировал и Степана Бандеру, сотрудничавшего с фашистами. С нацистской мразью Берест сражался беспощадно. Во имя любимой украинской малой родины, ради победы своего великого Отечества — Советского Союза. Не отступился бы от этого и в наше время. Такой был человек.

